

И. И. Лажечников

**Полное собрание
сочинений**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л16

Л16 **Лажечников И.И.**
Полное собрание сочинений: Том 10 / И. И. Лажечников – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 296 с.

ISBN 978-5-518-02823-4

Нет страниц 105-106, 184-185, 214-215.

ISBN 978-5-518-02823-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЪШЕНИЕ БЕЗЪ АПЕЛЛЯЦІИ

По крытому переходу, который велъ отъ двора великокняжескаго къ церкви Благовѣщенія, еще тогда деревянной, возвращался Иванъ Васильевичъ съ утренней молитвы. Когда онъ выходилъ изъ храма Божьяго, по ясному челу его носились пріятныя впечатлѣнія, оставленныя въ немъ молитвою; но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ тяжелѣе гнѣвъ налегалъ на это чело и ярче вспыхивалъ во взорахъ. За нимъ, въ грустномъ раздумьѣ, слѣдовалъ красивый, статный молодецъ: это былъ сынъ его Иванъ.

Слѣдомъ ихъ шелъ бояринъ Мамонъ. Никто не смѣлъ нарушить угрюмое молчаніе великаго князя. Иванъ молодой старался скрадывать шорохъ шаговъ ихъ, чтобы не оскорбить имъ слуха отца въ такое время, когда малѣйшее неловкое впечатлѣніе могло яредить ужасную вспышку гнѣва. Онъ зналъ, что

гнѣвъ этотъ, не возбужденный потворствомъ или своекорыстіемъ приближенныхъ, могъ еще улечься, или, по-крайней-мѣрѣ, не имѣть роковыхъ послѣдствій. И потому берегъ онъ эту возможность, какъ искусный механикъ даетъ свободный пропускъ сердитымъ водамъ, накопившимся отъ непогоды, чтобы онѣ не прорвали плотины. На лицѣ боярина разыгрывались то удовольствіе злобы, то страхъ; и слухомъ и взоромъ жадно слѣдилъ онъ малѣйшее движеніе своего господина. Молчаніе ихъ похоже было на то, когда вынимають изъ урны роковой жребій. Жребій былъ вынутъ: Иванъ Васильевичъ остановился въ срединѣ перехода и, обратясь къ сыну, сказалъ:

— Слышалъ, Иванъ, что сдѣлалъ твой любимый Хабаръ?

— Слышалъ, господине, — отвѣчалъ спокойно Іоаннъ молодой.

— Легко вымолвить: заушилъ деспота морейскаго.

— А за что, сказали тебѣ, отче?

— Ни съ того, ни съ сего, вѣстимо хмѣльной! не впервой ему озорничать. Коли до нынѣшняго дня носилъ еще голову на плечахъ, такъ это ради тебя.

— Коли нынѣ снесетъ эту голову, такъ ради тебя, господине, и нашей православной Руси, — произнесъ съ твердостью Іоаннъ молодой. — Когда пойдетъ на лобное мѣсто, я поцѣлую его въ эту голову.

— Какъ такъ?

Великій князь грозно посмотрѣлъ на Мамона; этотъ старался, сколько могъ, затаить свое смущеніе встрѣтивъ его очи съ твердостью.

— Вотъ, какъ дѣло было, — продолжалъ Іоаннъ

младой съ спокойствіемъ истины.—Вчера, на пиру у Андрея Ѳомича, были созваны, будто на посмѣхъ, и бояре твои и смердъ, старые и молодые гуляки. Хмѣльной, онъ брался со всѣми, пилъ за здоровье непотребной гречанки и обвинялся съ чеботаремъ, что шьетъ на нее черевики. Ты вѣдаешь, какъ онъ распутствомъ своимъ безславить родъ свой и наносить скорбь матушкѣ, великой княгинѣ Софѣѣ Ѳомишишнѣ. Въ самомъ разгулѣ хмѣля сталъ порочить русскую землю, и что стоитъ она только греками, и что вся сила и краса ея отъ грековъ, безъ нихъ-де мы бы и татаръ не выгнали, и Новгородъ не взяли, и Москвы не снаряжали. Даялся, будто ты, господине, не помнишь его милостей и худо честишь его; зато и подарилъ онъ шпанскому королю византійское царство свое, а не тебѣ...

— Ахъ! онъ собака!.. И конуру-то даютъ изъ милости, а дарить царства. Одинъ братъ лижетъ мисы на поварнѣ у бесерменскаго царя и скоморошничаетъ у него; другой слоняется по угламъ да продаетъ первому глупцу кречетовъ за морями... Ну, чтожъ потомъ?

— Не посмѣю сказать, какъ онъ тебя облаялъ.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Молвилъ, что не отдалъ тебѣ Цареграда, ты-де... Воля твоя, отче, языкъ не двигается...

— Иванъ, ты меня знаешь?

Этотъ вопросъ заставилъ бы и мертваго отвѣчать.

— Называлъ тебя псомъ, окаяннымъ. И Хабаръ ч ему за то пощечину.

— И онъ не задушилъ его?..—закричалъ великій ѣ, и не могъ болѣе слова вымолвить. Глаза его

ужасно запрыгали, дыханіе остановилось въ груди, будто сдавленной тяжелымъ камнемъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ сыну:—Воистину ли такъ?

— Спроси дьяка Бородатого, бояръ постарше и понадежнѣе, что были на пиру, дворскаго лекаря Антона.

Иванъ Васильевичъ задумался.

— Нѣтъ, не надо. Ты мнѣ сказалъ, Иванъ: стану ли я допрашивать бояръ и дьяковъ?

Великій князь любилъ очень своего сына и увѣренъ былъ въ его благоразуміи и праводушіи.

— Ты же что?..—произнесъ онъ, грозно обратясь къ Мамону, и вслѣдъ за тѣмъ ударилъ его посохомъ по лицу.

Мамонъ чувствовалъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, и отвѣчалъ съ твердостію:

— Воленъ, осударь, казнить меня, а я доложилъ тебѣ, что слышалъ: я самъ на пиру не былъ.

— А чтобъ ты впередъ вывѣдывалъ повѣрнѣе, заплати за безчестье Симскому-Хабару сто рублей, да отнеси ихъ самъ, да поклонись ему трижды въ ноги. Слышь?.. — Иванъ, — прибавилъ онъ, — вели, чтобы отнынѣ звали его во всякомъ дѣлѣ Хабаромъ. *Хабарно* ¹⁾ русскому царю имѣть такого молодца. Не даромъ жалуешь его.

— А какъ попался на пиръ лекарь Антонъ?—спросилъ великій князь своего сына, когда Мамонъ удался.

— Захворала гречанка Андрея Ѳомича. Позва я его, и когда онъ сдѣлалъ ей легкость, притащили и

¹⁾ Выгодно.

его на пирь. Пить онъ отказался. Говорять, деспотъ подарилъ ему за леченіе золотую цѣпь, а какъ молвилъ обидное о тебѣ слово, такъ лекаръ бросилъ дары назадь. А цѣпь была дорогая.

Видно было по глазамъ великаго князя, что это извѣстіе льстило ему. Несмотря на то, онъ возразилъ:

— Неразумно, коли была дорогая.

Такъ развязалась участь Хабары: часомъ ранѣ нельзя было ручаться за жизнь его. Мамонъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ своего доноса, имѣя на своей сторонѣ и важность преступленія, и покровительство Софіи. Хотя великая княгиня и не любила брата за слабость его характера и развратное поведеніе, такъ безстыдно выставяемое, однакожъ на этотъ разъ приняла живо къ сердцу неслыханное униженіе его, какъ бы оно сдѣлано было ей. Но Иванъ Васильевичъ однажды рѣшилъ, и никакія связи не могли измѣнить его приговора. Безсильная противъ этого опредѣленія, Софія обрекла Хабару свѣму недоброжелательству и съ этого времени стала питать на лекаря неудовольствіе. Надо прибавить, что между ею и супругою Іоанна младаго начинало возрождаться какое-то завистливое соперничество, и потому дѣло, выигранное княжичемъ, тронуло ее за живое. Брату жъ ея, послѣ рѣшенія великаго князя, оставалось выѣхать изъ Руси.

Какъ же попалъ въ ходатаи Іоаннъ младой? Отвага и тутъ помогла Хабару. Съ первымъ просвѣтомъ зари онъ явился къ нему и рассказалъ все, какъ было на ру деспота. Призваны для повѣрки его словъ мата-дьякъ, бояринъ, возражавшій Андрею Ѳомичу, и боярскихъ дѣтей и лекаръ Антонъ. Всѣ подтвердили истину. Мы видѣли, что прямодушный, высокій

характеръ наслѣдника русскаго *стола* умѣлъ воспользоваться показаніями любимца своего и призванныхъ свидѣтелей и твердо стать на защиту истины и благороднаго подвига.

Не безъ тревоги сердечной Хабаръ и лекаръ Антонъ, каждый на своей половинѣ, ожидали развязки этого происшествія. Одинъ хотя не каялся въ своемъ поступкѣ и повторилъ бы его, если бы опять представился такой же случай, хотя безстрашно готовъ былъ выдержать казнь, однакожъ боялся позора этой казни для престарѣлаго отца своего и сестры-невѣсты. Антонъ беспокоился о томъ же за него. Онъ начиналъ брать въ немъ живое участіе, сочувствуя его отвагѣ, грубой — это правда, но все-таки увлекательной по благородству ея источника: даже самымъ слабостямъ ея готовъ онъ былъ потворствовать. Желая заслужить любовь русскихъ, Антонъ и на вчерашнемъ пиру старался присоединиться къ ихъ сторонѣ, и радовался, что на этой сторонѣ были честь и правота. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ онъ, какъ молодые боярскіе дѣти, прощая ему ненавистное для нихъ имя басурмана, которое за нимъ ходило, отъ души расточали ему похвалы за то, что онъ отвергнулъ даръ деспота. Кто знаетъ? изъ этого желанія пріобрѣсть ихъ любовь, можетъ статься, не отдѣлился бы отъ нихъ въ дѣлѣ отваги, не столь похвальномъ. Винить ли его въ этомъ случаѣ? Пускай молодой человекъ на его мѣстѣ броситъ въ него камень!.. Можно судить, что онъ чувствовалъ, видя, какъ обстоятельства ежедневно болѣе и болѣе спрягали съ нимъ судьбу Хабара.

Любовь къ Анастасіи, усиленная препятствіями, конечно, играла важную роль во всѣхъ этихъ сердеч-

ныхъ тревогахъ и въ участіи къ ея брату. Безъ цѣли, безъ отчета, часто подавляемая разсудкомъ, любовь эта всетаки дѣлала успѣхи. Она пустила еще сильнѣе побѣги отъ слѣдующаго обстоятельства.

Когда Антонъ возвращался съ Хабаромъ домой, заря, обѣщавшая прекрасный день, ужъ занималась. У воротъ своихъ они простились друзьями. Смотря на нихъ прощаніе, никто не подумалъ бы, чтобъ одинъ изъ нихъ считался въ семьѣ другого за служителя сатаны. Сыну Образца сбереженъ былъ входъ въ калитку преданнымъ служителемъ. Антонъ отперъ свою ключомъ, который имѣлъ при себѣ. На крыльцѣ оставился онъ, чтобъ вздохнуть послѣ скорой ходьбы и подышать свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ. Сады по скату городской горы и рощи замоскворѣцкія оперялись; казалось, они покрыты были зеленою сѣтью; Москва-рѣка, свободная отъ ледяныхъ оковъ своихъ, отдергивала пологъ тумана, чтобы показать и спесивую красоту полногрудыхъ водъ своихъ, и свѣжую зелень своихъ береговъ. Сквозь улетающіе, фантастическіе покровы этого тумана видѣлись то блестящій въ лучахъ вѣнецъ Донского монастыря, то бѣлая риза Симонова. Только-что успѣлъ Антонъ бросить жадный взглядъ на эту картину, для него новую, надъ нимъ стукнуло завѣтное окно. Смотрить, и не вѣрить глазамъ своимъ: не видѣніе ли ужъ? У окна Анастасія, въ такіе часы, когда и птицы еще лѣнливо расправляютъ свои крылышки. Точно, она, только блѣдная, устная! Антону кажется, что глаза ея заплаканы, о она покачала ему головой, какъ бы упрекала его... ъ скинулъ беретъ и сталъ передъ ней, скрестивъ кн, будто молилъ ее о чемъ-то; но роковое окно

задвинулось, и опять скрылось его прекрасное видѣніе.

Не зная что подумать объ этомъ грустномъ явленіи, Антонъ постоялъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ; но видя, что окно вновь не отодвигается, и боясь нескромныхъ свидѣтелей, вошелъ къ себѣ. — «Анастасія печальна, проводитъ ночи въ слезахъ», — думалъ онъ; и вспоминая всѣ знаки ея участія къ нему, иноземцу, ненавистному для отца ея, съ грустнымъ и вмѣстѣ сладкимъ чувствомъ, съ гордостію и любовію, относилъ къ себѣ и нынѣшнее явленіе. Онъ заснулъ, когда солнце было уже высоко, но и во снѣ не покидалъ его образъ Анастасіи.

Вмѣстѣ съ его сердцемъ разберите сердце дѣвушки, воспитанной въ семейномъ заточеніи, не выходявшей изъ кельи своей свѣтлицы и за ограду своего сада, и вдругъ влюбленной; прибавьте къ тому, что она каждый день видитъ предметъ своей любви; прибавьте заклятіе отца и мысль, что она очарована, что она, земная, не имѣетъ возможности противиться сверхъ-естественнымъ силамъ, которыхъ не отогнала даже святыня самой усердной, самой пламенной молитвы. Перебравъ все это, станете ли удивляться, что она уже не противится этимъ силамъ и совершенно предалась очарованію? Жадно слѣдя шаги милаго постояльца, Анастасія замѣтила вчера уходъ его изъ дому съ братомъ ея, — съ братомъ, который ведетъ разгульную жизнь, котораго отецъ журить иногда за ночныя похождения. Не мудрено, онъ и любимца ея научить этой разгульной жизни. Долго ждала она Антона, и Антонъ не возвращался: никогда еще онъ такъ не опаздывалъ. Въ груди ея заговорила ревность — она упрекала

брата, упрекала милого иноземца, съ которымъ не говорила еще слова, но котораго считала уже своимъ; тосковала, сердилась, бранила себя за холодность, плакала. И вотъ, наконецъ, онъ идетъ — пускай видитъ ея слабость, пускай знаетъ, что она плакала, и по немъ!

Не даромъ слывуть наши пословицы золотыми. Одну изъ нихъ очень кстати примѣнить къ сердечному состоянію нашихъ влюбленныхъ: «дѣвушка въ терему, что запрещенный плодъ въ раю». Можно бы и такъ сказать: «что подъ деревомъ съ запрещеннымъ плодомъ въ раю».

Бѣдная пташка къ полдню была испугана появленіемъ злого коршуна, который такъ часто кружилъ надъ ея гнѣдомъ. Опять Мамонъ въ домъ Образца, но теперь не такъ, какъ гордый вѣстникъ отъ великаго князя, а какъ приговоренный, въ сопровожденіи двухъ недѣльщиковъ и двухъ вооруженныхъ боярскихъ дѣтей. Прежде чѣмъ взяли его изъ дому, отобрали на немъ оружіе.

Именемъ господина, великаго князя, спрашиваютъ сына воеводы, Симскаго-Хабара. Не безъ сердечной тревоги готовъ онъ выслушать свой смертный приговоръ. Вмѣсто того объявляютъ ему, что бояринъ Мамонъ, по волѣ Ивана Васильевича, принесть ему сто рублей безчестья и пришелъ земно бить челомъ. Да, пришелъ этотъ Мамонъ, гордый, ужасный въ своемъ мщеніи, просить у врага прощенія. И могъ ли онъ не идти? его прислалъ великій князь Иванъ Васильевичъ. рашны были его шафранное лицо, исковерканное левною бурей, его глаза, налитые кровью, дѣсныхъ волосъ, вставшихъ на дыбы. Въ такомъ видѣ

представилъ бы художникъ сатану, скованнаго вышешю силою.

И пришелъ онъ, и подалъ Хабару сто рублей.

— Сто рублей счетомъ, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ, и палецъ униженно предъ своимъ врагомъ, — разъ, другой. Тутъ онъ коварно, адски усмѣхнулся, палецъ въ третій разъ. — То было княжее, а это мое, — сказалъ онъ, приложился къ ногѣ Хабара и оставилъ на ней кровавый, глубокий оттискъ зубами. — Вотъ это мое пятно, — повторилъ онъ и адски захохоталъ.

— Не даромъ звали его Мамономъ, — вскричалъ Хабаръ — такъ сильно былъ онъ пораненъ, и первымъ движеніемъ его было вырвать клочъ изъ бороды противника.

Ихъ тотчасъ розняли.

— *Поля, поймаю тебя на поле!* — вскричалъ Мамонъ.

— На поле! — вскричалъ Хабаръ, — давно пора! Богъ да судить насъ!

И враги, поцѣловавъ крестъ, выбравъ каждый своего *стряпца* (секунданта) и *поручника*, разошлись съ жаждою крови одинъ другого.

Образецъ, не желавшій видѣть униженія своего врага, не былъ при этой сценѣ. Когда-жъ узналъ развяку ея, благословилъ сына на судъ Божій. Несмотря на грозныя запрещенія духовныхъ властей, считалось постыднымъ дѣломъ отказаться отъ *поля*, на которое каждый за убой *оленя* былъ вызывать. А запрещеніе духовныхъ отцовъ было ужасно ¹⁾. «Аще который человекъ позовется на поле, да придетъ къ

¹⁾ См. «Пословіе митрополита Фотія къ новгородцамъ» въ 1410 году.